

А.В. Губарев

Второй патрон

Рассказ, стихотворения

Алексей Васильевич Губарев

Второй патрон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58882373

SelfPub; 2020

Аннотация

История непреднамеренного убийства. Читать это может и не очень умно, но не прочесть не менее глупо.

По большому счету Дальний Восток уныл и сер. Сырость в тайге невероятная. Мороз колюч. Ветра упругие и длинные. Солнце злое. Но, шатаясь по таежным далям, случается набрести и на необычайно красивое место. Взять, к примеру, речушку со звонким названием Джаур. Сама при дурном характере, а глаз не отвести. Я не охотник и не особенно рыбак. Но как-то поздним октябрём не отказался принять участие в походе на хариуса. Ехать наладились впятером. Из города, загромоздив баулами и удилищами все свободное место и с трудом втиснувшись в салон, выбрались ещё затемно. Пока ехали, вели разные споры о снаряжении. Какие кто мушки заготовил, кто из производителей лесы предпочтительнее, как лучше выбрать место для заброса, как удачнее поднимать муть со дна, приманивая рыбу. Отмахав на старом УАЗике более сотни километров по гравийке и затем ещё девяносто от поселка Снежный по развороченной лесовозке, мы высадились у малоприметной тропки, которая круто ниспадала в чрево темного распадка. Время было обеденное. Внизу, у самой речки нас поджидало разочарование. Брод размыло паводками, и он превратился в непроходимый бурлящий поток. Пришлось с помощью топора по очереди валить подходящий толстый-претолстый ильмище, чтобы перебраться на другую сторону реки, где догнивало свой век ветхое зимовье. Из-за неожиданной преграды замшелую в углах и пропитанную стойким запахом плесени халупу мы

заселили только тогда, когда день начал погасать и вокруг посерело.

Но на этом наши неприятности не закончились. Испортилась погода, костер занимался долго, изъев дымом глаза и основательно прокоптив нам одежду. А чуть погодя к зимовью принесло еще две бригады рыбаков, что предвещало бессонную ночь. Пока перезнакомились, пока теснились и перекладывались, располагая гостей, округу темнота поглотила. Пламя, наконец, набрало силу, дрова весело затрещали и костер растекся устойчивым жаром. Когда покончили с обустройством, полукругом расселись у огня. Наспех из трех чурок соорудили импровизированный стол. Каждый выложил припасенную им снедь, и дружно приступили к трапезе. А какой ужин без баек? Ведь на такой случай у любого припасена сказка. Только в этот раз повествовать пришлось мне. Поводом тому стало маленькое происшествие у костра.

Набралось нас чуть более десятка. И был с нами небезызвестный Вася Шмат. А кто не знает Васю Шмата – веселого и невозмутимого толстяка? Да вы его тоже хорошо знаете за особенность таскать с собою в любой поход вертикалку 12 калибра. Ижевское ружьишко боем вышло что надо и выглядело, как новенькое. За десяток лет если из него и стреля-

ли, то только в подпитии и по пустой таре. Тем не менее, Вася всегда патроны заряжал сам и укладывал их в патронташ определенным порядком.

В этот вечер употребляли заведенным порядком. Без спиртного на свежем воздухе – преступление. Ну, туда-сюда, заглотили по паре «рыбацких» доз, вкусили яств и слегка захмелели. Каких-то полчаса и дело дошло до Васькиного гладкоствола. Очень уж одному товарищу заблажилось шан-дарахнуть дробью по пустой коньячной бутылке. Подкупала ее вызывающая фигуристость.

– Вась, дай пальну, а, – ныл он, – один разок только шмальну и даю слово больше не просить ружья. Пожалуй-ста-а-а. Ну-у...

Василий некоторое время отмахивался. Согласно охотничьей заповеди чужого оружия касаться не принято. Но тут в помощь просящему с уговорами подключились остальные, и подобревший Шмат уступил натиску. Он важно осмотрел патронташ и сделал твердое заявление.

– У меня здесь, – похлопал он себя по брюху, – всегда полнейший ажур. Патроны разложены по порядочку, слева направо. Три вот этих наполнены бекасином, показал он на те,

что слева. А два этих, ткнул он в самый правый край пояса, с картечью.

– Васька, ты только не перепутай. А то дашь на бутылку шрапнель, вместо тройки, ха-ха-ха – ржа, крикнул кто-то, а другие подхватили смех.

– Никогда в жизни, – уверенно заявил Василий.

Сделав многозначительную паузу, Шмат вынул патрон и подал его просящему.

– На, держи патрон. Тройка тут насыпана. Видишь, как залит парафин? Я так только тройку помечаю. И ружье возьми. Да шибко не балуй и больше не проси. Не дам, – отрезал он.

Началась подготовка тира. Кто пень подыскал, кто дистанцию наметил, кто установил мишень. Наконец, все было готово. Подвыпивший деятель зарядил ружье и выставился на позиции. Здесь каждый наперебой давал стрелку советы, как лучше целиться, как нажать на курок. Минуты три галдели без умолку, пока выстрел многократным эхом не распорол тишину.

И, о чудо! Бутылка на пне преспокойненько стоит, будто не в нее палили дробью. Но зато на другой стороне реки,

вдруг, завалилась тонюсенькая березка.

Первым паузу нарушил Серега Зенин.

– Вась, по ходу это картечь, а не тройка, – в наступившей тишине многозначительно произнес он, – такой вот ажур-абажур.

– По-олнейший ажу-у-ур, хи-хи-хи, – не удержался связать кто-то из толпы.

Дальше последовал дружный гогот, издёвки над "мазиль" и хозяином оружия, которые, и стреляющий, и Вася Шмат, стойчески переносили. Когда успокоились, вновь подсели к костру. Выпивка еще оставалась, и никто не противился принятому решению перед сном часок-другой побалачить. Вот тогда-то я и предложил компании рассказ, который некоторым образом подходил к теме только что пережитого курьеза с патронами.

Начал я повествование неуверенно. Но с течением времени голос мой окреп, а товарищи перестали перебивать замечаниями. Слушатель мне попался благодарный и невзыскательный. Лишь когда я делал значительную паузу, кто-нибудь, восторгнувшись, произносил: – А дальше-то что? И я, под треск горящих сучьев и редкие перекуры на выпив-

ку, продолжал рассказ, который и успешно завершил почти к рассвету, и теперь вот предлагаю и вашему вниманию.

Вечер, выдавшийся тем временем, когда осень набрала силу, и по утрам на жухлую траву ложился недолгий иней, очень походил бы на многие, когда не быть праздничному собранию офицеров. Поводом случилось получение Алешей Неекиным звания старший лейтенант. На вечеринку позвали только "своих". Старшие офицеры, кроме случаев необходимости негласного контроля, с «мелюзгой» не пили. Не принято у военных. Пользуясь традицией подобным образом разделять силы полка, «маленькие звезды» «гудели» по черному. А, выполняя наказ руководящей и направляющей, единственным в майорских погонах на трапезе был лишь замполит полка, восседавший на самом видном месте. Кто-то даже пошутил по этому поводу, ассоциируя майора с невестой на выданье. Рядом с ним пунцовая от смущения сидела его молоденькая жена, впервые представленная портупейному обществу.

Обмывать первую звёздочку приглашённые расположились за крытым пестрой скатёркою столом в зале двухкомнатной квартирки виновника торжества. Комнаты не проветривали из-за боязни простудить спящего болезненного младенца. Только в кухоньке была слегка приоткрыта форточ-

ка. Но эффективность щелки, связывающей внутренний мирок жилища с дальневосточными просторами, приравнивалась припарке дохлому коню.

Пятиэтажный ДОС, числящийся в военном городке за номером 3, стоял на отшибе, хотя четвёртый и пятый дома соседствовали с первыми номерами. К этой странности новички военной части привыкали не сразу, о чем в полку ходило множество анекдотов. Особым успехом пользовались те истории, в которых некий офицер, и обязательно в ощутимом подпитии, глубокой ночью по ошибке постучался к прехорошенькой особе в то время, когда её муж оказался занят на учениях или торчал в карауле...

Подъезд второй, этаж последний и при том налево. И это ещё ничего, хоть дом считался неудачным. Вот когда этаж первый и квартира направо от лестничного проема, чего сторонится любой суеверный офицер – сущая беда, потому как там всегда происходит черт знает что. Взять совсем недавнее ЧП в полку. Не далее двух недель назад без причин возьми да застрелись дежурившему по части майору, расквартированному в точно таком же расположении апартаментов ДОСа с номером 1. Так что Неекину ещё крупно повезло, и зря его супруга поначалу так разорялась на жребий судьбы, будто ей в туфель подбросили какую мерзость или тлеющих углей. Ведь любое жизненное неудобство все же лучше пули,

пущенной в лоб.

Был уже двенадцатый час; ранее приличный стол порядочно разгромлен, а отмечающие радостное событие довольно пьяны. К этому времени в собрании, как это всегда бывает – случайно, объявилось несколько непрошенных гостей; офицерские жены при разговоре перестали стесняться в выражениях, а некоторые из них даже бросили соблюдать и приличия. Одна дама – совершенная размазня выразительно рыдала, вообразив, будто все равнодушны к её горю, которое, несмотря на расспросы, сформулировать ей никак не удалось. От её также довольно раскисшего мужа и уже плохо ориентирующегося в окружающем, добиться чего-нибудь внятного о страданиях супруги также не получалось.

Еще час спустя замкнутое пространство начал заполнять запах пота, который, несмотря на усилия без всякой меры вылитого на платья и кителя парфюма, только густел. Ровный ряд хромовых сапог у входной двери превратился в бесформенную грудку, а перешептывания офицеров об женской половине стихли.

Но теперь начались бурные выяснения служебных отношений, что привычно в офицерских компаниях. Вероятною причиной столь качественных изменений поведения –

неосмотрительно малый запас водки, который был съеден уже спустя час, как прозвучал первый тост. Шампанское, которого было в достатке, в счёт не бралось, потому как употреблялось исключительно дамами и со свойственным им небрежением, когда в помещении невыносимо душно.

Замена водке нашлась скоро и в изобилии; сейфы инженеров полка связи едва справлялись с нашествием наполненных техническим спиртом канистр, банок и прочих всевозможных емкостей. И благодаря воздействию «жидкого доллара» гульбище потекло по тому обычному руслу, когда предугадать грядущие события невозможно, а служебное рвение вояк затмевает их сознание.

Ещё одна ранее упомянутая, молоденькая особа, по виду смазливая скромница и по положению жена замполита полка, неотрывно и с нескрываемой надеждою на такой удобный случай смотрела на капитана Снеговского, который напропалую и недвусмысленно уже более как месяц волочился за нею.

Молодая женщина была красива. Очень красива. Капля азиатской крови дала её природе настолько нужный оттенок, что это явление можно было сравнить с редкостной гармонией акцента и тембра голоса Анны Герман. У неё уже была дочурка трех лет, но присущие рожавшим женщинам округ-

лости форм только чуть тронули гибкое девичье тело, придав изящности. И это было так мило, что не остановить восхищенного взора на ней было совершенно невозможно. По всему назначенный для неё гормональный всплеск слегка задержался и теперь вихрем нагонял потерянное время.

Кроме того хрупкая фемина, подбирала украшения тонко, со вкусом, хоть они были недорогие, была ухожена и очень правильно угадала подводку векам, изобретя оригинальную стрелку. А бледность вкупе с румянцем, которые теперь наложили на неё ожидания, что вот-вот случится роковое предложение от Снеговского делали в эти минуты её прекрасной.

Забегая вперёд, скажу, что вопреки ставкам волнующего малышку чувства в этот вечер ничего не случилось. Снеговской не воспользовался почти смертельным опьянением замполита. И уже к рассвету, в своей спальне молодой женщине пришлось уступить себя мало что соображающему мужу. Ей было неприятно, даже противно, но мысли о Снеговском так горячили её воображение, что неожиданно её подхватило и понесло такое наслаждение, что на пике из её груди самопроизвольно вырвался доселе неведомой ей, неподвластный, особенный своею глубиною крик, а после показалось, будто она и вовсе умерла на некоторое время. От внезапно-

го потрясения прелестница долго не могла прийти в себя. Она маялась, стараясь разобраться в новых ощущениях, самой себе. Терзала дурными мыслями воспаленное сознание. Истязала себя страхом за вырвавшийся неконтролируемый крик, который наверняка был слышен через стены...

Наглость, с которой Снеговской склонял бедное создание к адюльтеру, подлавливая ее в самых неудобных местах, и беспардонный принуждением долгий поцелуй на неосвещенной площадке подъезда три вечера тому назад, наконец, сломили сопротивление застенчивой прелестницы. Снеговской знал о своей победе, но, наслаждаясь ею в эти часы, намеренно оставался равнодушен к неожиданной готовности женщины на все. Веющий от ухажера холод и показное равнодушие вводили Ниночку, так звали несчастную, в заблуждение. Она переживала, теряясь в догадках и, к тому, сильно боялась насмешки над своей слабостью и ещё более огласки грехопадения. От этого её пухленькие щёчки покрывал нездоровый румянец, виски бисером усыпал проступивший от волнения пот, а у подмышек проявились пятна. Женщина нервничала, испытывая то состояние, когда кажется, что тебя обнажённым выставили напоказ перед толпой.

Муж Ниночки был неплохо начитан, но по жизни довольно глуп, как все большие ревнивцы. Неотесанная гру-

бость так и перла из него. И основания робеть создавшимся положением у застенчивой женщины были. Но поделаться с собою она уже ничего не могла. Ворвавшийся в её размеренную жизнь капитан затмил собою весь мир, и Ниночка буквально растворилась в нахальстве красавца. Снеговского же удобство подвернувшегося момента волновало мало. Он упивался болезненным состоянием жертвы, зная какие муки она испытывает. Но стойко оставался непроницаемым к немому мольбам и ожиданиям Ниночки, потому как в жизни питал особую страсть ко всему самому неудобному и рискованному.

Стоит отметить, что достоинством Артура Станиславовича можно было считать умение хранить интимные тайны, что высоко ценилось его жертвами. Будучи дерзок в обращении застенчивых дам, а он выбирал именно таких, в близости Снеговской обходился с поверженной слабою половиной очень нежно и вовсе без пошлости. В чем можно было его упрекнуть, так только в том, что он не любил ни одну из них и более двух раз не использовал свое превосходство. У женщин же после него складывалось по-разному. Одни, не в силах далее бороться с угрызениями совести или терпеть мужа, уезжали к маме. Которых мужей скоро переводили в другие части, тем везло более. Эти несчастные каким-то образом перекраивали свое внутреннее я, саму жизнь, латали отношения и семьи сохраняли. Но все без исключения были

благодарны ловеласу за трепет неведомых переживаний и, пусть и жестокий, но урок дозволенности – рискуя всем на свете вкушать запретный плод.

Заполнивший поверх музыки пространство гомон, тонов довольно высоких и резкости непривычной, совершенно сбивал с толку. От этого разгоряченные офицеры были не в силах оформить свои мысли в более-менее приемлемую пониманию речь. Каждый раз говорящего сбивали с толку неожиданным восклицанием. Наперебой отвлекали вопросами, а порой и бесцеремонно перекрикивали. Потому служаки, под предлогом покурить, стали часто толпою выходить на лестничную площадку.

Здесь они сосредоточенно закуривали, и пару минут стояла гнетущая тишина, над которой парили клубы сигаретного дыма. Затем кто-нибудь начинал с претензии другому, или критики чьих-то деловых качеств. Визави начинал оправдываться, либо немедленно переходил в наступление, указуя тем на несовершенство и самого "отличника боевой и политической подготовки".

В какой-то момент заметили и Снеговского. Претензий к нему не было, огрехов по службе за ним также не водилось, а какое и было, то не значило столько, чтобы ставить в укор.

В разговоры Снеговской вступал редко, друзей не заводил, в компаниях был тих и всегда держался несколько в стороне. За это его недолюбливали. И хоть Артур Станиславович довольно хорош был, как картежник, всем казалось, что молчаливый капитан, соблюдающий дистанцию, презирует их.

— А вы, капитан, отчего опять скушны? Не определением ли вашему ненастью поражение на любовном фронте, или тому иная вина? — обратился Николай Сергеевич, прапорщик в годах, к стоящему через капитана и еще одного старлея Снеговскому.

Как это ни странно, но в полку офицеры общались исключительно по имени-отчеству и на "вы", что в наше время безусловно редкое явление для армии. Разгадка крылась в том, что весь без исключения полк играл. И порой так азартно, что любое самое срочное приказание свыше откладывалось до завершения "круга".

Командир части, сам заядлый картежник, беззастенчиво просаживающий полковую казну, при объяснении служивым причины невыполнения приказа, где ею указывалась игра, одобрительно кивал и тут же задавал вопрос: — Что, Валерий Игнатьевич, неужто проигрались? Ох, бездельник! Ох доиграетесь вы когда-нибудь с огнем! Ну-ну, вижу-вижу... В глазах потаенная печаль, на лице обида и недовольство! Ко-

литесь, дорогуша, пока я в настроении, что и как.

И очень любил, если стервец отвечал: — В пух, товарищ командир! В чистейший пух, как есть проигрался. Полсотни, что оставались от жалованья, словно корова языком слизала. Так уж сложились козыри у противника, что столотаться мне в казарме пару недель. Посижу на казенных харчах, что уж теперь — тем сходу озвучивая ниспосланное небесами наказание за невнимательность. Удовлетворенный ответом мот о двух больших звездах в погонах все же не упускал случая пожурить проказника, а, промучив разгильдя минут двадцать, отпускал, озадачив того иным срочным заданием.

На «круге» шельмовали практически все. Малое шулерство не наказывалось. Часть стояла на боевом дежурстве, и времени на игру всегда было в обрез. Потому ломать "банк" из-за пойманного за руку плута никто не собирался.

— Ну, уважаемый, Петр Дмитриевич, вы что же себе позволяете? Вчера попытались сбросить карту из прикупа, сегодня. Так не годиться. Просим вас эту восьмерку треф взять обратно, а скинуть фигуру которую вы хотели зажулить.

Выкажут недовольство, случившейся паузой "накатят" по «сотке» разбавленного ректификата, и игра продолжается.

Не "расписать пулю" офицером хоть раз в неделю считалось чуть не преступлением. Поэтому каждый, за редким исключением, ходил в должниках. Другим развлечением в полку был бильярд. И хоть лузы стола были сильно разбиты, шары в многочисленных сколах, а сукно поистерлось в углах, эта потеха стояла во втором ряду после карт.

– А они у нас, как я заметил, всякий раз загадочны и отчитываться про женщин стесняются, – съязвил другой старший лейтенант с странною фамилиею Мыц.

Снеговской решил отмолчаться, не желая тратиться на пустую болтовню, но тут ещё один офицер продлил в огонь маслица.

– Артур Станиславович почему-то ставит себя над нами. А, Артур Станиславович? Не так ли? Ведь взяли на ум, что мы не пара вам?

– Товарищ капитан в погонах вставки носит, тулья неестественно выгнута, да ещё и ногти всегда полирует пилочкой, – непонятно к чему втиснул очередную глупость Мыц.

Но пошатнуть хладнокровие Снеговского, хоть стало понятным – интерес к нему у многих, стоило больших трудов. Не на того напали. Артур Станиславович решил простить ха-

мов, списав ихнюю дурь на действие излишнего алкоголя. Не те времена, не дуэльные. Значит, и раздувать историю, смысла нет.

Собственно скандалу родиться было не суждено. Входная дверь квартиры сначала со скрипом и позднее сильным грохотом распахнулась, и на площадку вывалился заметно ослабевший коллега из залетевших на огонек. Чтобы держать равновесие он левой рукою ухватился за перила. Правая же его рука какое-то время то вскидывалась, то производила медленные беспорядочные кружения.

– Господа, дайте сигарету. Ну, пожалуйста, дайте закурить – пророкотал нетвердо стоящий сослуживец.

Сигарету ему протянул Николай Сергеевич.

– Огня! Подайте скорее огня, перем-м-м-мать вашу! – буйствовал наглец.

Поднесли и огня. Подкурить долго не получалось. На помощь пришёл все тот же Николай Сергеевич. Он аккуратно вынул сигарету из зажатой руки гостя, подкурил её и вернул страждущему. Тот глубоко затянулся, ненадолго замер и, картинно откинув голову со смешно вытянутыми губами, выпустил дым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.